

В 1989 году во время инспекционной поездки по северному Приколымью ночь застала нас на Богом забытой (да и похоже людьми тоже) метеостанции. Метеорологи – два бородатых мужика лет 35 на вид, встретили нас, как всегда встречают на затерянных полярных станциях, на которых мне приходилось бывать множество раз. После накрытого немудреного стола один из них (Виталий, кажется) сказал, что надо позвать Дядю Сашу.

“Всегда он рад новым людям. Мы все это десятки раз слышали... ну то, что он вам расскажет, а расскажет обязательно...”

На пороге стоял высокий, сгорбленный седой мужчина в опрятной, чисто выстиранной (по всей видимости недавно) одежде. “Разрешите?” – вежливо спросил он и присел на край лавки возле стола. Положив кусочек рыбы на хлеб, он бережно поддержал его второй ладонью, чтобы ни одна крошка не упала на пол. В его взгляде и даже в манере сидеть была какая-то искренность что ли (и сегодня не могу подобрать точно определения).

– Почему вас называют Дядя Саша?

– Фамилию мою и отчество никто не знает, да я и сам забывать их стал потихоньку... Номер вот хорошо помню Ш-1478.

– Какой номер? – не понял я.

– Лагерный номер, – невесело улыбнулся он.

И он рассказал удивительнейшую историю, которую я запомнил на всю жизнь.

КИЕВ. 1938 ГОД

Представьте 1938 год, город Киев, государственный университет. Я готовлю курсовую по межродовым отношениям скифов северного Причерноморья, которую собирался положить в основу дипломной работы. Почти ежедневно спорю с моей Галей по поводу даты нашей предстоящей свадьбы.

Как жили мы – студенты конца 30-х? Да, наверное, так же, как и вы 30 лет спустя: дружно, весело, так же не хватало порой денег угостить девушку мороженым, учились, работали, свято веря в светлое будущее и победу коммунизма. Мы знали о ночных арестах, черных закрытых машинах, обысках, но были уверены, что наши органы не ошибаются и неустанно, днем и ночью борются с врагами государства. На проходя-

щих почти каждую неделю комсомольских собраниях мы с жаром клеймили позором явных и замаскированных врагов, требуя для них самой суровой кары.

О настойчивых попытках ухаживания за моей Галей со стороны зав. кафедрой, статного сорокалетнего мужчины с густой седеющей шевелюрой, я, конечно, знал, но большого значения этому старался не придавать. И, как оказалось, напрасно. Седьмого апреля (этот день я запомнил навсегда) меня арестовали прямо во время занятий на глазах у всех, а через два часа втокнули в переполненную камеру Лукьяновской тюрьмы.

Я старался не слушать советы сокамерников о том, как себя держать на допросе, что можно говорить и что нельзя, потому что был уверен (как и многие вокруг), что все это ошибка и меня скоро выпустят, принося извинения.

Перед первым допросом мимо меня из кабинета следователя вывели (точнее вынесли) двое мужчин в форме окровавленного избитого человека. Я стыжусь и сейчас в этом признаться, но всегда боялся боли, поэтому решил – сразу подпишу все, что скажут, лишь бы не били. В кабинете следователя никого не оказалось. Через минуту вошел молодой человек в форме с открытым честным взглядом, взглянул на мое без единой кровинки лицо и вежливо предложил стул. Передо мной стоял стакан чая в серебряном подстаканнике и на тарелочке два бутерброда с колбасой.

– Угощайтесь, не стесняйтесь, а главное – успокойтесь! – Впоследствии я понял, что все это был тщательно отрепетированный спектакль. – Посмотрите этот список, – он протянул листок с написанными от руки фамилиями, среди которых были и мои однокурсники – всего пятнадцать человек. – Эти люди, а может, и еще кто (мы обязательно выявим) входят в состав студенческой контрреволюционно-троцкистской организации. Вы подтверждаете это?

Я, конечно же, хотел сказать нет, но вспомнив изуродованное лицо человека, дрожащей рукой подписал приговор скорее всего ни в чем неповинным людям.

– Это все? – как в тумане спросил я.

– Еще маленький вопрос – это ваше? – следователь протянул стопку исписанных листов. Это были черновики моей курсовой работы!!!

– Да, это мое, откуда они у вас?

– Дело в том, что ваш зав. кафедрой утверждает, что вы постоянно ссылаетесь на труды, так называемых профессоров, которые арестованы как враги народа и уже понесли заслуженную кару. А невеста ваша – Галя (вот, ознакомьтесь) сообщает, что постоянно обсуждали с товарищами труды этих отщепенцев. Если вы подтверждаете это – подпишите, пожалуйста, здесь и еще вот здесь.

Ощущая противную дрожь в теле, вытирая одной рукой потное лицо я, не читая, подписал оба документа, забыв неустанные советы сокамерников – ничего не подписывать!

Через десять дней, прошедших в ожидании освобождения, уже в другом кабинете огласили приговор особого совещания: назначить по совокупности стаяй 58-10 и 58-11 десять лет исправительно трудовых лагерей.

ЛАГЕРЬ. ДЕКАБРЬ 1938 – ЛЕТО 1953 ГГ.

В тюрьму Галя не приходила. Много позже узнал, что на комсомольском собрании, где меня исключили из организации, она активно выступала «ЗА» и предлагала заклеить меня позором. Потом была Ярославская пересылка, грязь, мат, уголовники, казавшийся нескончаемым рельсовый путь в грязном и душном «стольпинском» вагоне, ледяной темный трюм парохода, снова пересыльная тюрьма в Магадане. В дека-

бре 38 года по утопающей в снегу промерзшей дороге, меня, почти по-лумертвого от недоодеяния и холода, привезли на золоторудный прииск «Мальдяк» Дальстроя. Провалялся два месяца в больничке, был признан негодным для работы по добыче золота и отправлен подсобным рабочим на промзону, потом на погрузку угля для кочегарки, а вскоре водителем и, по совместительству, бульдозеристом. Где-то там, на промзоне, работал Сергей Королев, но я не встречался с ним, хотя разговоры о нем слышал. В активе не ходил (честно говоря, и не предлагали) но вот в выпусках стенгазеты участвовал, писал стихи.

В 47-м ко Дню Революции (30 лет же было) написал стихи и угодил в карцер – что-то не понравилось ”куму”, а тут еще мотор заклинило у машины, в общем, добавили мне срок.

Освободился по амнистии 1953-го и даже получил разрешение вернуться в Киев (как я узнал позже, благодаря хлопотам дяди – главного инженера оборонного завода).

КИЕВ. 1953 ГОД

В Киеве встретил дядя Леня, родной брат отца, и предложил пожить у него в большой, почти пустой квартире в уцелевшем старом каменном доме на Дарнице. Долго извинялся за то, что не мог разыскать меня – война, эвакуация завода... Используя многочисленные старые связи, дяде удалось прописать меня у себя. Я сразу же начал искать Гаю. Случайно на улице столкнулся с моим бывшим преподавателем. Он, пряча глаза и явно чувствуя себя неловко, рассказал, что в январе 1939-го Галя вышла замуж за зав. кафедрой и в сентябре 1940-го родила двойню: Всеволода и Тараса. В июне 1941 при первой же бомбежке в их дом попала бомба. Галя и ее муж погибли под завалами, а дети чудом уцелели. Их забрали в детский дом, который через месяц эвакуировали, а куда – он не знает. Усилиями дяди я разыскал этот детский дом, дети Гали были живы и здоровы.

Неожиданно умирает дядя – прямо на улице. Обширный инфаркт, следствие невероятного напряжения, недосыпания, голода во время работы на оборонном заводе в тылу. И я остался один в огромной (по тем временам) квартире. Сколько было оббито порогов, длинных очередей за всевозможными справками – не сосчитать. Но добился опекунства над сыновьями Гали и вскоре перевез их к себе в квартиру. Зачем я все это затеял? Ради памяти Гали? Вряд ли? Да любил ли ее спустя 15 лет?. Простить – простил, время такое было. Думаю, этим хотел хоть в малой толике искупить вину перед людьми из того списка, который я подписал в кабинете следователя.

Скажу сразу, что отношения с братьями у меня не сложились. К этому времени им было по пятнадцать лет, оба курили, потихоньку пили и скоро в нашей квартире стали появляться весьма сомнительные личности, некоторые значительно старше братьев и в которых я наметанным глазом узнавал бывших “пассажиров”. В шкафах, а то и прямо на столе обнаруживал вещи, нередко женские, какие-то коробки, свертки, дорогие продукты. В школу ходить они перестали сами, меня не слушали, иронически-снисходительно улыбались. Тогда я не придавал этому большого значения.

Прошло два года. Однажды в воскресенье вечером к дому подъехала машина с красным крестом, из которой вышел человек в несвежем халате в сопровождении двух дюжих “молодцов” с равнодушно-угрюмыми лицами. Человек зачитал мне по сложенной вчетверо бумажке, что по заявлению граждан (подписи имеются) я должен в принудительном порядке пройти медицинское обследование по причине слабоумия и социальной опасности для окружающих. Я не сопротивлялся. Через год выписали из психушки. В квартире меня встретили чужие люди, от которых узнал, что уже полгода как выписан. Идти было некуда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КОЛЫМУ. ПОДВОДЯ ИТОГИ

Сняв последние деньги со сберкнижки, по оргнабору (вербованный, значит) отправился снова на Колыму – как домой возвратился. Теперь доживаю здесь, пенсию выправил, вот домик остался от метеостанции, раньше-то больше она была. Ребятам спасибо, как могут помогают.

Он замолчал и как-то (или мне показалось) опять искательно заглянул мне в глаза.

– Ну, скажи – за все же заплачено сполна? Всей жизнью. Я вот в лагере верующим стал, – показал простой крестик на тонкой бечевке из сыромятной кожи. – Молюсь каждый день, прощенья прошу, как думаешь – услышит меня Бог?

И тут я понял, что этот вопрос он задавал много раз десяткам людей, в надежде услышать так нужный для него ответ. Я смотрел на него и молчал. Мне не было его жаль. А если бы в том списке было не 15, а 40 или 100 человек? А в войну, которую он пережил в лагере, если бы попал в плен, был бы предателем и служил бы немцам?

Ночью, лежа без сна в спальном мешке, я размышлял об услышанном. Мы тогда уже достаточно знали о том времени. Я побывал на территории многих заброшенных лагерей Колымы и Чукотки.

«А как бы я, мои друзья и знакомые повели себя тогда, в 39-м в кабинете следователя? И ответ не нахожу...»

Только одно понял: «Нет, Дядя Саша, неоплаченный этот долг».